

**ДИЕРЕЗА В КИТАЙСКО-КИРГИЗСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ
КЫТАЙ-КЫРГЫЗ ЛЕКСИКАЛЫК ДАЛ КЕЛҮҮЛӨРҮНДӨГҮ ДИЕРЕЗА
DIERESIS IN THE CHINESE-KIRGIS LEXICAL CONFORMITY**

Д.филол.н., проф. Зулпукаров К.З.

*Ошский государственный университет, г. Ош. Кыргызстан.
email: zulpukarov48@mail.ru*

К. филол., проф. ОшГУ Амиралиев С.М.

*Ошский государственный университет, г. Ош. Кыргызстан.
email: sem.87.90@mail.ru*

Статья посвящена характеристике действия законов компрессии и открытого слога в развитии китайского языка, показана роль диерезы в увеличении расхождений в фонетическом облике слов родственных языков, определено наличие многочисленных общих корней в тюркских и китайском языках, выдвинуто и обосновано положение о том, что тюркские языки, в данном случае киргизский, сохранили в целом древнейшее звуковое состояние корней, общих для сравниваемых языков.

Ключевые слова: диереза, законы компрессии и открытого слога, сокращение объема языкового знака, китайский язык (ханью), киргизский язык.

Макал кытай тилинин өнүгүүсүндөгү компрессия жана ачык муун мыйзамдарынын таасирин мүнөздөөгө арналып, диерезанын тектеш тилдердеги сөздөрдүн фонетикалык айырмачылыктарынын көбөйүүсүндөгү ролу көрсөтүлүп, түрк жана кытай тилдериндеги көп сандагы жалпы уңгулардын бар экендиги аныкталып, түрк тилдери, алардын ичинде кыргыз тили, салыштырылып жаткан тилдер үчүн жалпы болгон уңгулардын байыркы тыбыштык абалын сактап калган деген жобо сунушталып негизделди.

Ачкыч сөздөр: диереза, компрессия жана ачык муун мыйзамдары, тилдик белгилердин көлөмүнүн кыскаруусу, кытай тили (ханью), кыргыз тили.

The article is devoted to the description of the operation of the laws of compression and open syllable in the development of the Chinese language, the role of the diereza in increasing the discrepancies in the phonetic appearance of the words of related languages is shown, the presence of numerous common roots in Turkic and Chinese languages is determined, and the proposition that the Turkic languages, In this case, the Kyrgyz language, preserved in general the oldest sound state of the roots common to the languages being compared.

Key words: diereza, laws of compression and open syllable, reduction of the volume of the linguistic sign, Chinese (hanju), Kyrgyz language.

Работа выполнена в русле ностратики. К ностратической прасемье языков мы относим, наряду с алтайскими, дравидскими, уральскими, индоевропейскими, картвельскими и семито-хамитскими, также дагестанские, китайско-тибетские, чукотско-камчатские и эскимосо-алеутские языки. К настоящему времени уже выявлено свыше трех тысяч общих корней в тюркских и сино-тибетских языках [Зулпукаров 1994: 120-123; Зулпукаров 2016: 14-120; Зулпукаров, Амиралиев 2016: 307-312; Зулпукаров, Зулпукарова 2016: 284-293]. В статье только на материале китайского и киргизского языков демонстрируется роль диерезы в компрессии объема языковых знаков.

Диерезой, как известно, называется выкидка звука из состава слова. Она выполняет важную функцию в сокращении объема означающих и экономии артикуляционно-акустических усилий участников речевого общения. Выпадение звука происходит в

различных частях фонетической структуры слова. В тюркских языках КНР, т.е. в уйгурском, лобнорском, саларском, сарыг-югурском и других, находящихся под непосредственным влиянием ханью, сильно развито стремление к сокращению объема языкового знака. Например, в самых употребительных словах саларского языка встречаются все позиционные виды диерезы: 1) опопока, проявляющаяся в выкидке конечных согласных и преобразующая закрытый слог в открытый: *me/mi/mē/mī* < *men* «я», *ha* < *har* «каждый»; 2) синкопа, т.е. выпадение срединного звука: *töt* < *tört* «четыре», *emek/emik* < *egimek* «хлеб»; 3) афереза, состоящая в опущении начального звука: *ixit* < *jihit* «юноша», *uĉol* < *uĉjol* «три дороги» [Тенишев 1975: 82-83]. Все эти разновидности диерезы встречаются в китайско-киргизских лексических соответствиях.

В китайском языке минимальной единицей является не звук, а слог, который имеет в целом единообразное строение. Основными элементами слога являются инициаль, финаль и тон. Инициаль представляет собой начальный согласный звук, финаль – слогаобразующий гласный, дифтонг или же сочетание гласного и конечного согласного. В качестве конечного согласного финали выступают только два звука: *-n* и *-ng*. Тоном называется мелодическая характеристика слога, точнее – финали. Тон является такой же неотъемлемой частью фонетического облика слова, как и входящие в его состав звуки. В языке различается четыре тона: восходящий, нисходящий, ровный, нисходяще-восходящий, которые мы отмечаем с помощью надстрочных знаков. Нейтральный тон, характерный произношению служебных слов и слогов, особо не выделяется [Яхонтов 1965: 25-33].

В древнекитайском языке фонетический облик финальной части слога был более разнообразным, чем в современном. В нем было много корневых морфем с конечными согласными на *-n*, *-ng*, *-p*, *-s*, *-t*, *-k*, *-r* и др., из которых до настоящего времени дошли только корни на *-n*, *-ng*, а остальные, подвергаясь сокращению, были лишены конечных согласных. Слоги с конечными согласными сохранились в южнокитайском диалекте [Иванов, Поливанов 2003: 16-18; Яхонтов 1965: 27] и в их лексических соответствиях в тюркских языках, например, в киргизском.

Известно, что в древнем ханью конечный звук «*-r* до начала новой эры исчез или перешел в *-i*». Этот звук был распространенным в конечной части слога. В этой позиции он выпал под действием закона благозвучия, рифмовки и открытого слога. Например, древний слог *lur* «гром» в современном языке звучит просто и почти открыто в виде *lei* [Яхонтов 1965: 27]. Мы ниже приведем киргизские исходные корневые морфемы, которые, по нашему предварительному предположению, сохранили в конечной части лексической единицы древний звук *-r*.

Выпадение конечного *-r* в китайских слогах и его сохранение в киргизских соответствиях мы обнаружили в шестидесяти трех примерах. Для иллюстрации приведем некоторые наиболее характерные примеры: киргизское *бир* «один, единичный, единица, одинокий, единственный», имеющее в своем составе *-p*, соотносится с китайским *pī/pǐ* «единица, единичный, одинарный, голова, штука». Аналогичный эквивалент имеет и киргизское слово *сыр* «тайна, секрет, секретные желания, тайные помыслы, нечто личное, нечто сокровенное; индивидуальный, тайный», которое легко сравнивается с китайским слогом *sī* «личный, пристрастный, несправедливый, корыстный; частный, собственный, индивидуальный, тайный, секретный, скрытый; лично, пристрастно, в частном порядке, индивидуально, тайно, секретно, скрыто; личный интерес, я (ego), мой эгоистический интерес, мой, корыстный интерес, моя личная выгода; пристрастие, любимчик, фаворит, любовь, личные желания; незаконные доходы, взятки, контрабанда, тайна, секрет; питать пристрастие к».

Киргизские слова *шыр* «быстро, ловко, без запинки, без остановки», *шар* «быстро, бегло, без запинки, без остановки», кажется, сохранили древнейший фонетический облик китайских слогов *shì* «быстрый, поспешный, мгновенный, мимолетный; быстро,

поспешно, мгновенно» и *shĩ* «быстрый, скорый; мчаться, скакать, быстро двигаться; гнать, подгонять». С этой точки зрения заслуживает внимания еще три киргизских слова с конечным *-p*, которые имеют «сжатые» соответствия в ханью:

1. Киргизское *шаар* (узб. *шахар*) «город, город-крепость, городская стена» – китайское *shĩ* «город, городской, рынок, рыночный, людное место, городская площадь, место сборищ; сборник, толпа, рой». В узбекском слове *шахар*, возможно, произошла вставка звука *х*, называемая эпентезой.

2. Киргизское *ыр* «песня, стихотворение, стих», *ыр ырдоо* (повтор) «петь песню» – китайское *shĩ* «стих, стихотворение, стихи, поэзия; стихотворный, поэтический, поэма» и *уй* «песня, наслаждение». На первый взгляд, здесь отсутствуют общие звуки, имеется только общий смысл. Обращение к фактам других тюркских языков позволяет заключить, что в киргизском слове *ыр* выпал начальный звук, соответствующий китайской инициали *sh-*: казах., татар. *жыр* «песня», узб. *шеър* «стихотворение», *шоир* «стихотворец, поэт», казах. *жырау* «певец». А в китайском его эквиваленте произошла выкидка конечного *-r*.

3. Киргизское *шер* «лев, львиный; храбрый, отважный, смелый» – китайское *shĩ* «лев, львиный, свирепый».

Как видим, три китайских слога с одинаковым звуковым составом и разными ударениями имеют в тюркских языках более развернутые эквиваленты, сохранившие древнейший фонетический облик общих лексем. В этом отношении интересны факты таких тюркских языков, которые развивались в тесном контакте с китайским языком и служат связующим звеном между этимологически идентичными китайскими и киргизскими лексемами. Примеры *жар* «обрыв, яр, крутой берег, обрывистый, скалистый» и *yái/yā* «скала, утес, выступ, обрыв; обрывистый, скалистый, крутой берег (реки), береговой; край, пределы, рамки» подходят к вышеназванному положению и соотносятся с примерами из других тюркских языков: хакас. *чар*, чув. *сыр*, якут. *сыыр*, туркм., казах., кара-калп., узб. диал. *жар*, тур., караим., кумык., ног., татар., башк., узб. *йар*. Лобнорское *йай* фонетически тождественно с первым вариантом китайского номинанта. Варианты уйгурского *йа/йар* имеют формы открытого и закрытого слога. Первый его вариант сходен с китайским *yā*, а второй – с татарским *йар*.

Теперь приведем пример с процессуальным значением. Киргизское *көр-/көрүү* «видеть, смотреть, пробовать», *кара-/кароо* «смотреть, глядеть, подсматривать, высматривать, наблюдать, ухаживать за, следить за», вероятно, представляет древнейший фонетический облик китайского слога *kuĩ* «смотреть, наблюдать, подглядывать, посматривать, высматривать, выведывать, разузнавать, исполнить, подстергать, следить за, допытываться». В древнем китайском языке эти значения передавались слогом закрытого типа *kas*, конечный согласный которого перешел в *-ĩ* и который мы сравниваем и с киргизским словом *көз* «глаз, глаза». Ср. китайское *gui* и киргизское *кыз* «дочь, девочка, девушка».

В киргизском языке мы нашли девяносто пять корней с конечным *-к*, которые являются эквивалентами соответствующих китайских слогов открытого типа.

Сравнение киргизского *как* «сушеный, сухой, худощавый, лишенный растительности; небольшое углубление, оставшееся от высохшего болотца» с китайским *kāo* «сушиться, сохнуть, греться/греть (у огня), сушиться/сушить (у огня), жарить, поджаривать, печь (на огне), жареный, печеный», киргизского *ак* «белый, седой» с китайским *āi* «седой, бледный», *накь* (южн.) «груша» с *pai* «груша (с твердой кожей)» позволяет считать, что отождествляемые корневые морфемы двух языков имеют общее происхождение. Аналогично соотносятся между собою киргизские *тек* «низ, под, исход, происхождение, генезис, основа, основание», *тук* (в говорах) «низ, под, дно, основание, фундамент» и китайский слог *dĩ* «дно, низ, основание, основа, корень».

Приведем несколько киргизских слов с начальным *жс-*, имеющих эквиваленты в ханью с финалями на гласные: 1) киргизское *жак* (в говорах) «масло, жир, крем, мазь»,

бетжак «мазь для лица» (*бет* «лицо») – китайское *zhī* «жир, сало (животных); смазывать жиром; жирный, сальный; крем, помада; сок (растений), роскошь, довольство»; 2) киргизское *жык-/жыгуу* «свалить, побороть, победить», *жыгыл-/жыгылуу* «падать, упасть, свалиться, быть побежденным, повергнутым; падение, проигрыш» – китайское *zhì* «падать, спотыкаться, наткаться, задевать; неудачи, испытывать затруднения, страдать, мучиться»; 3) киргизское *жаак* «челюсть, скула» – китайское *jiá* «щека, скула, челюсть»; 4) киргизское *жак-/жагуу* «жечь, зажигать, зажигание, сжигание» – китайское *jiāo* «поджигать, сжигать, опалить; гореть, обгореть, обгорелый; печь, жарить, поджаривать»; 5) киргизское *жик* «шов, стык, место соединения, трещина, щель, межа», *жөөк* «гряда, полоса, гребень борозды» – китайское *jì* «межа, граница, предел, промежуток, стык, линия, смыкание, соединение, между, между-, меж-».

В примерах *бак-/багуу* «кормить, накармливать, вырастить, взять на воспитание, усыновить, удочерить», *бак* «сад» и *bào* «вскормить, вырастить, выходить, взять на воспитание, усыновить, удочерить» мы обнаруживаем соответствие *ак* = *ào*, подчиняющееся общему правилу.

Под формулу «слово с конечным *-n* = слог с гласной финалью» подводятся следующие примеры: 1) *шан* «ладонь, пальцы, рука», *шаналак* (южн.) «ладонь, пощечина, мухобойка» – *shǒu* «рука, кисть руки, ладонь, рабочие руки, рука помощи, подмога, умение; жест руки, удар рукой, почерк, своя рука, собственноручный, своей рукой, от руки, ручной, для руки; держать в руке, схватывать рукой, ловить, бить, отбирать»; 2) *шып-* в словах: *шыба-/шыбоо* «мазать, штукатурить, покрывать тонким слоем», *шыбак* «штукатурка», *шыбануу* «накраситься, накладываться мазью, штукатуриться» – *shuā* «щетка, кисть; чистить, скрести, тереть (щеткой), мыть, удалять; красить, класть краску, накладывать мазки, мазать, натирать краской»; 3) *чөп* «трава, сено, никудышный (человек), послед (животных), прокладка в заднике обуви», *чөп чабуу* «косить траву» – *chú* «сено, кормовая трава, солома; косарь, давать корм, кормить, косить сено (траву)»; 4) *кооп* «страх, боязнь, подозрение, сомнение», *кооптон-/кооптонуу* «беспокоиться, тревожиться, подозревать, сомневаться, страшиться, опасаться; страх, беспокойство, тревога, подозрение, сомнение», *кооптуу* «опасный, страшный, подозрительный, сомнительный, вызывающий опасение, беспокойство, тревожный», *кабатыр* «страх, беспокойство», *кабатырлан-/кабатырлануу* «беспокоиться, тревожиться, сомневаться» – *huò* «сомневаться, предаваться сомнениями, подозревать, тревожиться, предаваться заботам (тревогам), вводить в заблуждение, вызывать сомнения; сомнение, подозрение, смута, беспорядок, путаница, хаос»; 5) *теп-/тебүү* «лягать, пинать, толкать ногой, бить ногой, отталкивать ногой; лягание, пинок, отталкивание ногой», *тепки* «удар ногой, пинок», *тепселе-/тепселөө* «попирать ногами, топтать, давить (ногой), угнетать», *теп-тепке алды* (повтор) «нещадно топтали, избивали ногами» – *tī* «лягать, брыкать, лягаться, брыкаться; ударять (бить) ногой, поддавать ногой, пинать, давать пинка»; *diē/diē* «топать, пинать», *tà* «топать (ногой), притопывать, отбивать ногой ритм, ступать, наступать, давить, ступать по, наступать на, попирать, растаптывать, скамеечка для ног, приступка, подножка, педаль; ножный, обувь», *tuǐ* «нога, ножка (мебели)»; 6) *тан-/табуу* «находить, открывать (неизвестное), доставать (спрятанное), отыскивать, родить (ребенка), отгадывать (загадку)» – *tāo* «вынимать, вытаскивать, извлекать, доставать (из чего-либо закрытого), шарить, отыскивать, выкладывать, доставать деньги (из кармана), выкапывать, капать, вырывать, проковыривать, рыть»; *tǎo* «искать, найти, разыскать, раздобыть, обзавестись, завести»; 7) *топ* «мяч; группа, коллектив, стая, табун, часть, кусок, штука (материи), община, число, количество, множество, совокупность, масса», *бир топ жылкы* «табун лошадей», *топ баши* «глава общины» – *tuá* «дружина, отряд, ополчение, полк; коллектив, организация, бригада, группа, делегация, труппа; групповой, коллективный; комок, клубок, масса, клубы, облако, круглый, брикет; круглый, округло, в кружок, кругом»; 8) *жооп* «ответ, отклик, реакция на стимул», *жообун бер* «ответь ему, отпусти его», *жооп*

кайтарат «ответит, среагирует» – *уй* «отвечать, откликаться»; 9) *көп* «много, множество, во множестве, массы (народные)», *көбөй-/көбөйүү* «умножаться, увеличиваться количественно, делаться многочисленным, расширяться» – *кид* «широкий, обширный, вместительный, просторный, пустой; великодушный, щедрый; расширять, раздвигаться, расстегивать, увеличивать». Как видно, в данную группу примеров входят самые употребительные слова двух языков, которые, на наш взгляд, не являются заимствованиями и свидетельствуют об очевидном генетическом родстве тюркских и сино-тибетских языков.

Теперь перейдем к сравнению киргизских корней на *-с/-з* и их соответствий в ханью. Киргизские примеры *сыз-/сызуу* «плавиться, расплавляться, незаметно скрыться, улизнуть, расходиться, исчезать», *сызгыр-/сызгыруу* «плавить, расплавлять, растоплять», *сызгың барбы?* «хочешь (незаметно) улизнуть?», *май сызгырып жатат* «растопляет масло (жир)», *эл сызып кетти* «народ разошелся», *даам сызуу* «вкушать пищу» очень напоминают китайское *xīāo* [сяо] «плавиться, расплавляться, растопляться, рассеиваться, расходиться, гаснуть, исчезать, хиреть, приходить в упадок, плавить, расплавлять, растоплять, тратить, расходовать, снижать, гасить, глушить; расход, потребление, трата», а корень *сас-* в словах: *сасык* «вонючий, зловонный, вонь, зловоние», *сасы-/сасуу* «вонять, дурно пахнуть, издавать зловоние», *сасыткы* «болтун (о яйце), потухшее яйцо» – китайское *sāo* «вонючий, зловонный, испорченный, прокисший, тухлый (о запахе), позорный, постыдный, дурной (о репутации); дурно пахнуть, вонять, дурной запах, вонь». Как видим, китайский трифтонг *-iāo* соответствует киргизскому звукосочетанию *-ыз*, дифтонг *-āo* – звукосочетанию *-ас*. Аналогичную картину мы видим и в некоторых лично-местоименных лексемах множественного числа. Киргизское *биз* «мы», варьируемое в предикативных и притяжательных суффиксальных формах в виде *-быз, -биз, -буз, -бүз, -пыз, -пиз, -пуз, -пүз* «мы, наш» и узбекское *биз* «мы», употребляемое в суффиксальной форме в виде *-миз* «мы, наш» (без вариантов) соответствуют китайскому местоимению *tī* «мы» (ср. узб. *онамиз* «мы матери, наша мать», где *она* «мать», *отамиз* «мы отцы, наш отец», где *ота* «отец»), киргизское и узбекское *сиз* «Вы (вежл.)» – китайскому *sī* «Вы (вежл.), старик, старец». Китайские личные прономинативы имеют на конце гласные звуки, которые, вероятно, восходят к древним пракорням с конечным *-с/-з*. А местоимения *wǒmen* «мы, наш (эксклюз.)», *zāmen* «мы, наш (инклюзив.)» и *nǐmen* «вы, ваш» являются новообразованиями.

Под формулу «слово с конечным *-з/-с* = слог с гласной финалью» можно подвести и следующие примеры: 1) *бооз* «беременность, стельная (о корове), жеребая (о кобылице)», *боозу-/боозуу* «беременеть, беременность», *боозут-/боозутуу* «сделать беременной» – *fù* «живот, брюшная полость, брюхо, утроба, брюшной, нутро, середина, внутренний, перед, спереди; толстый, плотный; обнимать, охватывать» (ср. рус. *пуза, пузатый*); 2) *таз* «паршивый, лысый, голый; парша на голове, человек с паршивой головой», *таз чоку* «голый пик горы, обнаженный горный пик», *таз кара/таз жору* «черный гриф, бурый гриф (хищная птица-падальщица с лысой шеей)», *таз баиш* «лысеголовый, с лысой головой», *тазала-/тазалоо* «чистить, очищать, вычищать; очищение, вычищение, чистка» – *tī* «плешивый, лысый, голый, без растительности; облезлый, истертый, притупившийся, несовершенный; облысеть, оголиться, истереться, притупиться, обнажить, исчерпать»; 3) *тоз* «сброшенная кожа змеи после линьки»; *ийиниңди тоздурба* «не доводи свою одежду до износа, чтобы она не слезла с тебя как чешуя змеи» – *tuī* «сброшенная кожа, зародышевая оболочка (пресмыкающихся, личинок насекомых); линять, сбрасывать кожу»; 4) *кес-/кесүү* «резать, отрезать, срезать, осудить, приговорить», *кесик* «отрезанный, отрезок», *кестир-/кестирүү* «заставить резать, осудить», *кесек* «кусочек, комочек», *кесим* «отрезок, кусочек, резание, подрезывание», *кесинди/кыйынды* «отрезок, лоскут», *кесе* «чаша, вырубленная из дерева чаша» – *dē* «резать, отрезать, разрезать, срезать, прирезать, косить, жать; снизить, скосить, урезать; делить, разделять, разлучать; несчастье, бедствие», *dē*

«кусок, часть, обрывок, обломок», *kè* «вырезывать, высекать на, гравировать; резной, гравированный; короткий отрезок времени, момент, резная надпись, резьба, гравировка, высечка», *kui/kuài* «ком (земли), кусок глыбы; кусковой, глыбовый, прямоугольный лоскут, кусок (материи), участок» [Зулпукаров 1994: 75-76].

Формула «слово с конечным *-t* = слог с гласной финалью» реализуется в следующих лексических единицах: 1) *бүт-/бүтүү//бүтүр-/бүтүрүү* «кончать, заканчивать(ся), завершать(ся)», *бүткүчө* «до конца, до завершения» – *bì* «заканчивать, завершать(ся); до конца, до завершения»; 2) *бүт* «все, полностью», *бүткүл* «все, все вместе», *бүтүн* «все, полностью, целиком» – *bì* «все, полностью, целиком, сполна, очень, весьма, совершенно»; 3) *чет* «край, окрестность, окраина, заграница, сторона», *четте-/четтөө* «ходить стороной, сторониться, уклоняться, устраняться, чуждаться», *четтет-/четтетуу* «отстранять, устранять, удалять; отстранение, устранение» – *chuí* «край, окраина, граница, пограничные области», *yì* «кайма, кромка (одежды), край, окрестность, далекая окраина, пограничная зона, отдаленные земли, окраинные инородцы, некитайские племена пограничных земель, отдаленные потомки, отпрыски, потомство»; 4) *чат* «место соединения ног (с внутренней стороны), пространство между двумя реками перед их слиянием, место соединения двух ложбин», *чаткал* «впадина между двух гор» – *chā* «раздвигать, разводить»; 5) *бет* «щеки, лицо, поверхность, склон (горы)» – *fǔ* «щеки, скулы, верхняя часть»; 6) *жет-/жетүү* «достигать, добиваться, доходить, доехать, догонять, нагонять, преследовать» – *zhūi* «догонять, нагонять, достигать, гнать за, преследовать, гнать, следовать за, равняться на; искать, попытаться, домогаться (любви, благосклонности), добиваться, искать, дополнять, наполнять, дополнительно, вдогонку», *zhì* «доходить до, достигать, доходить до предела (апогея), достигать высшей точки, развиваться до высшего предела, доводить до совершенства, прибывать в, приходить к; превосходный, наивысший, предельный, что касается, до, к», *zhú* «гнаться за, преследовать, догонять, нагонять, домогаться, добиваться, следовать за, перегонять друг друга, бежать на перегонки, последовательно, один за другим, друг за другом, следуя за».

Конечно, число примеров, демонстрирующих выпадение конечных согласных в китайских слогах под влиянием закона компрессии и открытого слога, можно легко увеличить. Считаем, что приведенных выше немногих двуязычных соответствий достаточно для утверждения о том, что тюркские языки, в том числе киргизский, сохранили древнейший фонетический прототип общих китайско-тюркских слов.

Выпадение звуков происходит не только в конце слова, но и в анлауте. Факты соответствия начальных звуков нулю звуков широко представлены в алтайских языках. В анлауте начальному языку *ʃ* в маньчжурском языке соответствует звук *h* или нуль звук в тунгусском (М.А. Кастрен), древнемонгольскому *h* – нуль звук в тунгусском и современном монгольском и тюркских языках (Г. Рамстедт, П. Пельо, Т.А. Бертагаев). Ср., например, в диалектах монгорского языка значение «красный» имеют слова в хуцзу *фулан*, в минхэ *хулан*, в других *улан*, в монгольском, бурятском языках *хула(н)* «саврасый», в киргизском *кула* «саврасый» и *кулан* «дикий осел, онагр, лошадь Пржевальского». Монгольскому *ховор/хобор/хомор* «скудный, невзрачный, редкий» в бурятском соответствует *обор* «неказистый, неважный, скудный» [Бертагаев 1971: 301-302]. Это говорит о распространенности афerezы в алтайских языках.

Арабский антропоним *Хасан* заимствован киргизским языком в виде *Асан*. Чем это объясняется? Во-первых, киргиз не может артикулировать звук *х*. В его языке исконно отсутствует этот звук. Это – главная причина. Во-вторых, в аффиксальных формах слова ударение падает на последний слог (*Асан* – *Асанды́* – *Асандыкы́* ...), перемещается с одного слога на другой и выделение слога как основного признака звукокомплекса переносит усилие произносящего с анлаута на финальную часть слова. В-третьих, выкидка начального труднопроизносимого звука экономит время и физические усилия говорящего, создает условия для удобовосприятия языкового знака слушающим. Выпадение

начального труднопроизносимого звука обнаруживается и в китайско-киргизских соответствиях:

В китайском языке много слов с начальным согласным *h-*, произношение которых представляло определенную трудность для древних носителей тюркских языков, в том числе киргизского. Поэтому киргизы произносили эти слова, опустив труднопроизносимый начальный звук. Например, слог *hén* «знак, шрам, рубец, рана, след, отпечаток, пятно» киргизы произносят в виде *эн* «метка на ухе (у всего скота, за исключением верблюда), знак на ухе или морде овцы, на ляжке лошади, знак, буква», слог *hēng/héng* «поклоняться, угождать» - в виде *эң-* в словах: *эңкей* «поклонись, наклонись, склонись», *эңүү* (о всаднике или некоторых хищных птицах) «наклонившись/опустившись, коснуться земли»; *эңиш/эңкейиш* «спуск, склон (горы)», *эңиш* «состязание всадников, состоящее в столкновении друг друга с коня, выбивании из седла», *эңиштөө* «спускаться по склону (горы), опускаться (о птице) по наклонной линии» и т.д.

Диереза имеет место и в следующих примерах: китайское *hōng* «присматривать, ухаживать (за больным), заниматься (с детьми), тешить, восхищать, очаровать, обольщать, умилять, приводить в восторг» соответствует киргизскому *өң-/оң-* в словах: *өңүт* «подкрадывание, выслеживание; место засады, место, откуда удобно нападать; удобный момент, подходящий случай»; *өңүттөө* «подкрадываться, выслеживать», *өңүттүү* «удобный для присмотра, слежки, выслеживания»; *оң* «правый, подходящий, соответствующий, удачный, благоприятный, благотворный, положительный»; *оңуу* «быть удачным, удачливым, наладиться; начать жить зажиточно, с достатком; добиться достатка, состоятельности, хорошей зажиточной жизни, процветать»; *оңдоо* «исправлять, налаживать; делать так, как нужно; чинить, делать что-либо с правой стороны, делать правой рукой»; *оңдуруу* «быть причиной удачи, хорошего состояния дел; приводить в радостное состояние духа, обеспечивать, налаживать, направлять».

Иногда в двуязычных соответствиях параллельно с диерезой применяется прием замены труднопроизносимого звука удобнопознаваемым. Например, китайское *héng* «поперечина, горизонталь, поперечный, горизонтальный, поперечное направление, ширина, поперек, по параллели, с запада на восток; пересекаться, тянуться поперек, лежать/ложиться поперек; через, наперевес, в ширину» по-киргизски передается двумя способами – путем диерезы и субституции: 1) *эн* «ширина», *эндүү* «широкий»; 2) *кең* «широкий, просторный, обширный», *кеңдик* «ширина, обширность, пространство». Киргизские эквиваленты китайского слога *hóng* «красный, алый, румяный, красивый; краснеть, докрасна; румяна, красные цвета, алые, яркие украшения» имеют более узкое значение и передаются корневыми морфемами с начальными *0-* и *к-* в словах: 1) *эндик* «арнебея; растение, из которой изготавливаются румяна; румяна», *эндиктей* «красный-красный», усижительная *эндиктей кызыл* «красный-красный», *эндик-упа* «румяна и белила; совокупность народных косметических средств»; 2) *кан* «кровь». В данном случае мы можем говорить о том, что в киргизском языке в качестве эквивалентов китайской инициали *h-* использованы нулевой звук и заднеязычный глухой согласный *к-*.

Такое же опущение начального *h-* мы обнаруживаем в киргизском эквиваленте китайского слога *hēng* «стонать, охать, кряхтеть, ворчать, бормотать»: *эн-* в словах: *энтигуу* «тяжело дышать, страдать одышкой; тяжелое дыхание, одышка», *энтелөө* «приходить в замешательство, растеряться, теряться, суетиться, проявлять торопливость», *энтеңдөө* «делать поспешные и растерянные движения, суетиться нервничая, взволнованно двигаться» и т.д. Если в предыдущих примерах китайскому конечному *-ng* в киргизском соответствует конечное *-н*, то в следующих примерах мы обнаруживаем обратное явление: китайскому *-н* в киргизском соответствует *-ң*: *hén* «очень, весьма, в высшей степени, вполне, крайне, прочно, крепко» – *эң* «очень, весьма, в высшей степени, вполне, крайне, прочно, крепко». Межязыковое соответствие *-н/-ng* и *-ң/-ng* на конце слова весьма распространено в сравниваемых языках: 1) *ылаң* «повальная болезнь скота,

болезнь, несчастье, беда», *ылаңда-/ылаңдоо* «болеть (о животном, человеке)» - *làn* «болеть, страдать, портиться, приходить в негодность, презреть, загнивать, сгнивать»; 2) *көң-/көөн* «душа, сердце, внимание» в словах: *көңүлдүү* «неравнодушный, проявляющий желание, радушный, радостный», *көөнү бар* «есть желание» - *hún* «душа, дух, сердце»; 3) *жаң* «война, сражение, бой» - *zhān* «война, бой, сражение, схватка; военный, боевой; соревнование, состязание; вести войну (бой), боевать, сражаться, биться»; 4) *жаң* «жест (движение рукой, заменяющее речь), *жаңсоо* «делать жест; жестикулировать, жестикуляция», *жең* «рукав, рукава» - *zhǎng* «ладонь, лапа, ступня (животного), бить ладонью, держать в руках» и т.д.

Приведенный выше материал позволяет заключить, что диереза начального звука *x* на киргизской почве произошла после потери этим языком прежнего соответствующего звука. Если считать приведенные киргизские слова заимствованиями, то можно объяснить эти факты как явление интерференции, в результате которого опускается труднопроизносимый звук.

Теперь переходим к рассмотрению отдельных фактов из массы примеров, которые служат иллюстративным материалом для доказательства действия опопоки как разновидности диерезы.

Киргизское слово *кул* «слуга, раб» семантически мотивировано китайскими слогами. В ханью есть слово *kūlì* «чернорабочий, носильщик; не щадить сил в работе, надрываться в тяжелом труде». Смысловая и звуковая общность слов двух языков налицо. Мы здесь первичной считаем китайскую лексему на том основании, что китайский язык мотивирует семантическую структуру слова, поскольку оно состоит из двух взаимосогласованных самостоятельных слогов: 1) *kū* «тяжелый, мучительный, жалкий, бедный; мучиться, страдать, горечь, страдание, мучение, несчастье» и 2) *lì* «подчиняться, принадлежать; зависимый, подчиненный; слуга, раб». Эта двусложная лексема на киргизской почве лишилась конечного гласного звука, подвергаясь сокращению и превращаясь в закрытый слог. Известно, что об источнике слова *кули* в языках Евразии существуют разные предположения. Лексикографы считают, что оно имеет индийское [Словарь русского языка, Том III. 1983: 147] или тамильское [Словарь иностранных слов 1982: 272] происхождение, не зная, вероятно, мотивированности его семантики китайскими корневыми морфемами.

Киргизская лексема *чал* «старик, седой, пожилой мужчина, седой старик», как нам кажется, является «сжатым» вариантом древнего сочетания, состоящего из китайских слогов: *jìyì* «старый, древний, в древности, встарь; ветхий, подержанный, изношенный; устаревший, бывший, прошлый, пожилой человек, старик, стародавняя дружба, традиция» и *lǎo* «старый, почтенный, уважаемый». В этом случае мы должны будем говорить о диерезе гласного звука в финальной части слога в киргизском слове.

Киргизское слово *жол* «дорога, путь, трасса, дистанция, расстояние, след, колея, полоса, выход, проход» также соотносится с китайскими корневыми морфемами: 1) *zhù/zhuó* «след, колея, путь, наследие, дело, деяние, образец, пример»; 2) *zhé/chè* «колея, след колес, путь, дорога, образец, выход, столб, класс рифм». Здесь мы имеем дело с чередованием в китайских инициалах в виде *zh-/ch-*, соответствующих киргизскому начальному *ж-*. Различны финали: кит. *-í/-uó/-é/-è* = кирг. *-ол*. Последнее можно было бы объяснить как соответствие киргизского закрытого слога китайскому открытому и признать первичным более развернутую, то есть киргизскую форму (*жу/жуо/же/че* из *жол*), если бы в китайском языке отсутствовали примеры, которые значительно дополняют и поясняют эти сравнения:

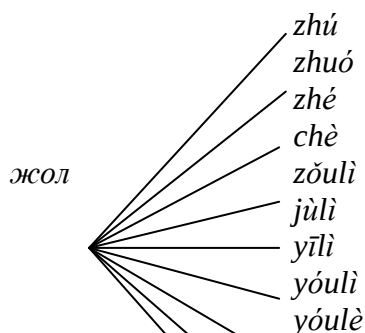
1) кит. *zōulù* «идти по дороге, путешествовать», состоящее из слогов: *zōu* «ходить (пешком), идти, прохаживаться, двигаться» и *lù* «дорога, наземный, по суше, сухим путем»;

2) кит. *jùlì* «расстояние, дистанция, просвет, пробел, дальность действия, дальнотойность, досягаемость», состоящее из слогов: *jù* «крупный, огромный, громадный» и *lì* «расстояние, на расстоянии, расходиться, удаляться, раздвигать, удалять»;

3) кит. *yǐlì* «весь путь, тот же путь, вместе, по пути, с хода, по ходу»;

4) кит. *yóulì* «путешествовать, странствовать», *yóulè* «гулять, развлекаться, веселиться», которые, вероятно, состоят из слогов: *yóu* «гулять, прогуливаться, совершать экскурсию, обходить, объезжать, скитаться, бродить, кочевать, блуждать, путешествовать», с одной стороны, и, с другой, *lì* «расстояние, на расстоянии» и *lè* «радость, веселье, удовольствие; радоваться, веселиться, жить в радости; радовать, веселить; радостный, весело».

Инициали этих слогов *z-*, *j-* и *y-* соотносятся с инициалами *zh-* и *ch-* первых двух слогов как чередующиеся и могут быть отождествлены с киргизским начальным *жс-* в слове *жол*. Корреляцию приведенных корней можно представить схематически в следующем виде:



Китайские односложные (4) и двусложные (5) лексемы объединяются общим значением «путь, быть в пути, движение в пути», которое свойственно и их киргизскому аналогу. Мы допускаем предположение: киргизское *жол*, вероятно, производное и состоит из двух частей: первая часть – слог *жс-*, сравнимый с китайскими односложными лексемами, и вторая часть – инициаль *-л*, сравнимая с *-lù*, *-lì* и *-lè* в китайских двусложных лексемах, лишившихся конечных гласных в результате диерезы (см. *кул* - *кули*).

Корневая морфема в словах: *кул*-/*кулуу* «смеяться, наслаждаться, смех», *кулку* «смех» допускает сравнение с китайскими слогами *ko□u* «рот, уста, губа, морда; ротовой, губной» + *lè* «радость, веселье, удовольствие, наслаждение, блаженство; смех; радоваться, веселиться, наслаждаться, жить в радости; радовать, веселить; радостный, веселый; весело, радостно, с радостью, охотно» и возводима к праформе их сочетания. В киргизском корне, вероятно, произошла выкидка конечного гласного.

Следы явной диерезы мы можем отметить в слове *зым/сым* (в говорах) «провокола», сравнивая его с китайской лексемой *xìmì/xìmi* «тонкий, подробный, детальный, убористый, плотный». В киргизском примере произошла выкидка конечного гласного. С этим примером легко сравнивается корреляция киргизского корня *жым* «тихий, молчаливый, закрытый» (*жым бол* «тихо! молчи!», *жымда*-/*жымдоо* «сообщать мимикой», *жымдаш*-/*жымдашуу* «скрыто обмениваться мнением, информацией; сговариваться») и китайских первичных и производных слогов: 1) *jī* «тайна, секрет, секретный»; *jīmì* «секрет, тайна, секретный, конфиденциальный»; 2) *jí/jì* «тихий, молчаливый, уединенный, в тишине, тишина, безмолвие», *jímdò* «тихий, одинокий, уединенный, безлюдный, тихо; скука, скучать». Китайские слова *jīmì* и *jímdò* построены по принципу плеоназма: к слогам *jī* и *jí/jì* присоединены синонимичные с ними слоги *mì* «тайный, секретный, конфиденциальный; тайно, втайне» и *mò* «молчать, безмолвствовать; молча, молчаливо; без слов, в уме, про себя, тихо, без шума; молчание, безмолвие». Мы предполагаем, что выкидка конечных гласных из производных китайских слов привела к сокращению номинантов тишины в киргизском языке (об этимологической идентичности китайского *mò* «молчать» и киргизского *моо* «тихий, молчаливый», китайского повтора

mìmi «тайна, секрет, тайный, секретный, конспиративный, тайно, втайне, секретным путем» и русского *мимика* [Зулпукаров 1994: 365]).

Как видим, более компактные эквиваленты в данных соответствиях выступают как вторичные, а развернутые – как первичные.

Если в предыдущих примерах мы имеем дело с проявлением диерезы, то в следующих мы затрудняемся определить наличие или отсутствие этого фонетического явления. Сравнение корневой морфемы в киргизских словах *кубан-/куван-/кубануу/кувануу* «радоваться, радость», *кубант-/кубантуу//кубандыр-/кубандыруу* «радовать, обрадовать, вызвать чувство радости, радостное настроение», *кубанычтуу* «радостный, веселый, резвый» с китайским слогом *huan* 欢 «радоваться, веселиться, испытывать радость, быть довольным, наслаждаться, получать удовольствие; резвиться, играть, прыгать; любить, обожать; радость, веселье; любимый, возлюбленный, радостный; радостно, в радости; оживленный, оживленно, интенсивно» позволяет говорить об идентичности их происхождения. Если считать киргизский корень исходным, то пришлось бы усмотреть в его китайском эквиваленте проявление диерезы. Если, наоборот, считать китайский слог первичным, то мы могли бы увидеть в его киргизском эквиваленте действие эпентезы. Аналогично соотношение синонимов предыдущих слов в двух языках: киргизский корень в словах: *сүйүн-/сүйүнүү* «радоваться, радость», *сүйүнүч* «радость, веселье», *сүйүнүчтүү* «радостный», *сүйүнчү* «подарок за радостную весть», *сүйүнт-/сүйүнтүү//сүйүндүр-/сүйүндүрүү* «обрадовать, заставить радоваться» сходен с китайским *xi* 喜 «радоваться, быть довольным, радостный, обрадованный, счастливый, веселый, довольный; радостно, весело». И здесь мы затрудняемся отнести звуковые различия корней двух языков к тому или иному виду фонетических изменений – к диерезе или эпентезе.

На основе вышеизложенного можно сделать некоторые выводы.

1. Сино-тибетские языки, вероятно, относятся к ностратической макросемье языков. Они имеют много общих корневых морфем с алтайскими языками, в том числе – с тюркскими.

2. Дивергенция ностратических языков произошла под влиянием многих фонетических факторов и закономерностей. Среди них особое место занимают тенденции к компрессии, благозвучию, открытому слогу и тоновой дифференциации знаков в китайском языке, стремление к агглютинации и сингармонизму в тюркских языках, а также действия диерезы (наряду с метатезой, эпентезой, протезой, чередованием, дифтонгизацией и другими фонетическими процессами).

3. Выкидка звука из состава корневой морфемы приводит к «сжатию» объема словесного знака и является одним из путей увеличения расхождений в фонетическом облике идентичных по происхождению слов в родственных языках.

Использованная литература

1. Бертагаев Т.А. Об анлауте и некоторых этимологических наблюдениях в алтайских языках // Структура и история тюркских языков. – М., 1971. – С. 301-309.

2. Зулпукаров К.З. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии и некоторые проблемы ностратических этимологий // Внедрение новых технологий в учебный процесс как средство повышения качества обучения. Сборник научных трудов. Выпуск 5. Ош, 1994. – 120-123 с.

3. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. - Бишкек, 2016. – 768 с.

4. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Протеза в киргизско-китайских лексических соответствиях // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. - М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 307-312.

5. Зулпукаров К.З., Зулпукарова А.К. О генезисе и развитии личных местоимений в ностратических языках // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. - М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 284-293.

6. Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. Изд. 3-е, стереотип. – М., 2003. – 304 с.

7. Словарь иностранных слов. Изд. 9-е, испр. – М., 1982. – 607 с.

8. Словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. Том III. – М., 1983. – 750 с.

9. Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. – М., 1975. – 575 с.

10. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. – М., 1965. – 115 с.